

УДК 94(47).05

DOI 10.21661/r-116804

V.N. Benda

**К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ «ИНОЗЕМНОГО» ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НАУКИ И ВОЕННОЙ ШКОЛЫ
В ПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА**

Аннотация: в дореволюционной, советской и современной отечественной историографии проблема оценки «иноземного» влияния в различные периоды на развитие России более чем актуальна и обстоятельно представлена. Автор отмечает, что в указанный период одним из направлений такого влияния была деятельность иностранных («иноземных») как военных, так и гражданских профессионалов самого различного профиля и уровня, приглашенных на русскую службу в конце XVII–XVIII вв. В своей статье автор на основе изученных новых архивных и других источников предпринимает попытку оценить «плюсы» и «минусы» иностранного влияния, в первую очередь, на развитие в российском государстве военной науки и военной школы, а также на укрепление обороноспособности государства в течение первой четверти XVIII столетия. Помимо этого, в статье впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные источники.

Ключевые слова: первая четверть, XVIII век, Петр I, реформы, промышленность, армия, иностранцы, влияние, развитие науки, образование, военно-специальное образование.

V.N. Benda

**TO THE PROBLEM OF EVALUATION OF «FOREIGN» INFLUENCE
ON THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE SCIENTIFIC
AND MILITARY SCHOOL IN THE REIGN OF PETER THE GREAT**

Abstract: in pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historiography the problem of evaluation of «foreign» influence in various periods in the development of Russia is more than actual, and thoroughly represented. The author notes that in this period, one of the areas of such influence was the activities of foreign («foreign») both

military and civilian professionals of various profile and level, invited to the Russian service at the end of the XVII–XVIII centuries. In his article, the author, based on the study of new archival and other sources, attempts to evaluate the «pros» and «cons» of foreign influence, primarily on the development of the Russian state military science and military schools, as well as to strengthen the defense of the state during the first quarter of the XVIII century. In addition, for the first time the article introduces some archival sources into scientific circulation.

Keywords: *the first quarter, XVIII century, Peter the Great, reforms, industry, army, foreigners, impact, development of science, education, military-special education.*

Широко известен тот факт, что, как в период дореволюционной истории нашего государства, так и в советский и, особенно на нынешнем этапе исторического развития российской государственности, находилась и находится масса желающих пересмотреть, «исправить», «улучшить», а проще говоря – исказить и исковеркать русскую историю. История нашего отечества в наше время стала сферой острого идеологического противостояния и боев.

Героическое прошлое нашего народа сохраняет свою притягательную силу и в настоящее время. Для того чтобы свести на нет воспитательное воздействие этой «притягательной силы» в первую очередь на подрастающее и молодое поколение нашего государства и привития ему чувства патриотизма, Запад использует целую систему способов и средств, в арсенале которых не последнее место занимает фальсификация истории нашей страны, «...охаивание трудного и героического прошлого наших народов» [10, с. 1].

Ярким примером вышесказанному может та оголтелая, циничная и насквозь лживая кампания и попытки западноевропейских и других стран навязать мировому сообществу точку зрения, сущность которой выражается якобы в том, что это не Советский Союз внес решающий вклад в разгром фашистской Германии и не Красная Армия при участии других национальных воинских формирований освобождала страны Восточной и Юго-восточной Европы от фашистского

ига. Оказывается, это сделали страны антигитлеровской коалиции и, конечно же, в первую очередь США.

Другой излюбленный прием на этот счет – *отказ России в праве на свою собственную историю, стремление рассматривать её, нашу историю, под определенным углом зрения различных «иноземных» влияний на Россию и ее развитие.* В таком ракурсе излагается отечественная история, которая трактуется как цепь более или менее удачных заимствований в культуре, в политике, государственном управлении, военном деле и науке. Советский ученый-философ Ф.Ф. Нестеров по этому поводу пишет, что «...вся русская история с точки зрения буржуазной славистики, есть чередование господства аварского, хазарского, варяжского, монголо-татарского, догматического византийского влияния и начиная с эпохи Петра вплоть до самой революции *благодетельного европейского воздействия* и господства остзейских немцев. Оживленные споры разворачиваются главным образом вокруг вопроса о том, какое именно господство оказалось решающим для судеб России» [13, с. 7].

Примерно такое содержание всех концепций Запада о России и суть западноевропейской политики в отношении нашего государства, направленной на то, чтобы сделать нас «иванами, не помнящими родства».

Из вышесказанного очевидно, что проблема оценки «иноземного» влияния в различные периоды на развитие России, была, есть и всегда будет более чем актуальной. Одно из направлений такого влияния – это деятельность иностранных («иноземных») как военных, так и гражданских профессионалов самого различного профиля и уровня, приглашенных на русскую службу в конце XVII–XVIII вв.

Эта тема отражена в дореволюционной историографии [3; 11; 12, с. 201–274], развивалась в советской [4] и довольно активно обсуждается в современной историографии [1, с. 191–196; 21; 22, с. 281–286; 28, с. 185–192; 29, с. 30–38; 30; 31].

В прошлые годы нами также был опубликован ряд работ, посвященных этой теме [5, с. 116–119; 6, с. 7–16; 7, с. 130–136].

Россия в начале XVIII столетия вступила в тяжелый период своего развития, более известный под именем «Петровские реформы». В то время цивилизация Европы начала уже в значительной степени получать практический характер, вследствие которого различные открытия и изобретения, сделанные ею в области наук и промышленности, использовались у ее государственном и гражданском строе. Россия в этом плане существенно отставала о Европы и уже с начала XVII в. никакая преданность отечеству, никакой патриотизм *не могли уже заменить собой тех технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации и т. д. настоящие науки, и притом – весьма сложные* [9, с. 317].

С другой стороны, обеспечение потребностей российского государства в защите и обороне своих и сохранении суверенитета в то время оказалось весьма сложной задачей, потребовавшей для ее успешного разрешения особого класса людей, всецело преданных решению военных задач. В свою очередь, содержание довольно многочисленной армии, требовало от государства значительных издержек, и без интенсивного развития промышленности у государства просто-напросто не хватило бы средств для её содержания. Следовательно, одна из главных задач российского государства на протяжении XVIII в. – защита от внешних врагов, *требовала в известной степени развития науки и технического образования, значение которых на протяжении всего столетия и в последующем не переставало возрастать.*

Этими обстоятельствами, на наш взгляд, и определялись российским правительством цели образования – наука и школа должны были служить практическим потребностям государства.

Необходимо отметить еще один существенный момент. С начала XVIII столетия, т.е. с того времени, когда Россия начала тесно взаимодействовать с Европой в сфере военных и мирных отношений, ей, и только ей одной, предстояло вести борьбу с тремя великими военными гениями той поры, бывшими одновременно и полководцами, и государями, а следовательно, могли располагать полной свободой действия и всеми ресурсами своих стран: имеются ввиду Карл XII,

Фридрих II и Наполеон I, – и из противостояния со всеми тремя Россия вышла победительницей. И достижению этих побед в немалой степени способствовало совершенствование военной организации государства на фоне развития отечественной военной школы и науки.

Несмотря на то, что проблематика «иноземного» влияния в России довольно обстоятельно представлена в отечественной историографии, тем не менее, исходя из целей и задач нашего научного исследования мы предпримем попытку в данной работе оценить «плюсы» и «минусы» иностранного влияния в первую очередь на развитие в российском государстве военной науки и военной школы, а также на укрепление обороноспособности государства в течении XVIII столетия.

Этот вопрос предусматривает всестороннее рассмотрение комплекса проблем военной, научной и других видов деятельности иностранцев, приглашенных на русскую службу, на основе которого будет предпринята попытка оценить значение их деятельности и роль в отечественной истории.

Неоспоримым выглядит тот факт, что в ходе проведения своих реформ Петр I, не находя в окружающих его русских достаточно подготовленных исполнителей его планов и замыслов, первоначально мог опираться только на слой иноземцев. Для этого он всевозможными средствами и мерами привлекал иностранцев в Петербург и в Россию. Именно для этих целей служил широко известный манифест Петра I от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» [16, с. 192–195], предоставивший широкие возможности для приглашения и найма на русскую службу огромного количества иностранных специалистов разного уровня и сферы их деятельности.

Добиваясь развития торговли, строительства заводов фабрик, Петр I приглашал на службу нужных ему мастеров-иноземцев, цель призыва которых определяет в указанном выше манифесте так: «...дабы наши подданные могли тем более и удобнее научаться, по ныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становится во всех торговых делах...» [16, с. 193].

Что касается реформирования армии и укрепления обороноспособности государства, Петр I с своим манифесте, упомянутом ранее, так определил необходимость и цель приглашения на русскую службу военных профессионалов из стран Западной Европы: «...помышляли мы о других еще способах как бы обезопасить пределы наши от нападения неприятельского и сохранить право и преимущество нашего государя и спокойствие в христианстве... Для достижения сих благих целей, мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине. Но дабы сие тем более усовершенствовать и побудить иноземцев, которые е сей цели содействовать и к такому улучшению способствовать могут, купно с прочими государству полезными художниками к нам приезжать, и как в нашей службе, так и в нашей земле оставаться...» [15; 16, с. 193].

Исследователям и историкам знакомо и то, что «иноземцев» на русскую службу стали приглашать за долго до опубликования известного манифеста «О вызове иностранцев в Россию...».

Еще правительство Алексея Михайловича, осознавая необходимость повышения требований, предъявляемых к уровню подготовки личного состава воинских подразделений армии «нового строя» и то, что для этого собственных специалистов в требуемом количестве не хватало, стало активно приглашать на русскую службу в качестве учителей различного рода и уровня военнослужащих-иностранцев. И царь, и московское боярство прекрасно понимали, что для успешной борьбы с главным на тот момент противником России – Речью Посполитой, а в будущем и со Швецией, нужна была сильная и боеспособная армия.

Решить эту задачу без помощи «иноземных» военных специалистов было невозможно. С.П. Орленко в своей работе приводит следующие данные о количестве иностранцев на русской службе. Так например, если в апреле 1632 г. в четырех полках числилось 3461 «воинских немец», то во время Смоленской войны в Россию въехало еще около 3800 «немецких» наемников [14, с. 46].

Австрийский придворный советник и дипломат Августин Мейерберг, находившийся в России в 1661–1662 гг. с дипломатической миссией и написавший о своей поездке официальный отчет, указал в нем, что «...этих иноземцев набралось такая пропасть в Москву на царскую службу из Германии, Батавии, Англии, Шотландии и других стран, что в 1662 г. кроме двух полных генералов и двух генерал-майоров, я мог бы прочитать записанные в моей памятной книжке имена более ста иностранных полковников, многих подполковников и майоров, и назвал бы почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков» [20, с. 177].

Итак, иноземцы разных национальностей и профессий, стали наниматься на службу русским царям издавна, оставаясь при этом в России на несколько лет, а многие из них – на всю оставшуюся жизнь.

Как нами отмечено выше, Петр I, на рубеже XVII–XVIII вв. и первые десятилетия XVIII столетия, активно приглашал в Россию иностранных специалистов различного профиля и назначения. В одной из наших работ, упомянутых выше, мы детально проанализировали национальный состав и специальности иностранцев, нанятых на царскую службу в 1698 г. [5, с. 116–117]. В другой нашей работе мы рассмотрели некоторые проблемы, связанные с ролью «иноземцев»-учителей Московской артиллерийско-инженерной школы в становлении военной школы в России в начале XVIII в. [6, с. 7–16].

Петр I стал с большим успехом для России пользоваться услугами иностранцев и, в первую очередь, в целях образовательных и научных.

Что бы попытаться совершенно понять рассматриваемую нами проблему, акцентируем внимание на отдельных аспектах наших поисков и уже найденных ответов на вопрос: *какое начало – иноземное или русское, лежит в основе зарождения и дальнейшего развития нашей науки и образования?*

Многие наши известные ученые, историки, философы и исследователи, в своих работах и трудах, опубликованных в дореволюционный, советский и современный период историографии данной проблемы, неоднократно давали однозначный ответ на этот вопрос – конечно же иноземное (европейское). По нашему мнению, возможно и ошибочному, может быть это одна из немногих

проблем, в отечественной историографии посвященной петровским преобразованиям, которая не вызывает ожесточенных споров и дискуссий у историков и исследователей.

Сошлемся на некоторые взгляды отечественных ученых по этому вопросу, *не так широко представленных в отечественной историографии различных периодов.*

Так, например, известный русский историк, поэт, публицист, критик и драматург, основоположник «классического славянофильства» А.С. Хомяков в своей статье «Мнение иностранцев о России», опубликованной в середине XIX в., указывает, что отечественная наука на этапе своего становления носила характер «подражательный, а не свободный и творческий... была лучшим плодом великого Запада». В заключении статьи он делает вывод, что «...наука подвинулась у нас довольно далеко. Она начинает отрешаться от местных иноземных начал, с которыми она была смешана в своем первом возрасте... укрепляясь, она должна стремиться и уже стремится к соединению с русским просвещением» [27].

Российский и советский историк А.И. Андреев в своей рукописи «Приглашенные на русскую службу», изученную нами в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, пишет, что создание в России разного типа школ затянулось на долгие годы. Но тот практический уклон, который характерен для первых русских школ Петровского времени, создававшихся, прежде всего, под руководством английского математика Фергарсона и других, *является одним из бесспорных результатов английского влияния* [23, л. 108]. Далее он указывает, что влияние представителей английской науки и просвещения, несомненно можно заметить уже в первые годы преобразовательной деятельности Петра [23, л. 115].

Как проходило становление отечественной академической науки? Общеизвестно, что *Петербургская академия наук* (официальное название Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге – *В.Б.*) была основана в соответствии с указом императора Петра I от 28 января 1724 г., объявленным из Сената [19, с. 220–224]. За неделю до этого указа, а именно 20 января 1724 г. был издан

именной указ Петра Великого, который послужил началом основания Петербургской академии наук, и которым предписывалось «...учредить Академию, в которой учились бы языкам, также прочим наукам, знатным художествам и переводили книги, для чего следовало назначить место и доход» [19, с. 207].

В Петербургскую академию наук и художеств были приглашены многие известные ученые из стран Западной Европы, часть из которых остались в России и в академии на долгие годы. Мы знаем, что первые четыре президента академии были по национальности немцы. Среди академиков Петербургской академии наук были великие ученые – братья Николай и Даниил Бернулли. Напомним, что известному швейцарскому ученому-математику и юристу Николаю Бернулли, принявшему под свое управление кафедру механики в академии, довелось не так долго прожить в России и прослужить во благо развития российской науки, т.к. через восемь месяцев после своего прибытия в Петербург он заболел и в конце июля 1726 г. умер. Его брат – Даниил Бернулли проработал в Петербургской академии наук до 1733 г. после которого вернулся к себе на родину. По приглашению Даниила Бернулли, в Петербургскую академию наук в 1727 г. прибыл *Леонард Эйлер* – известный швейцарский, немецкий, а в последующем и российский ученый математик и механик, внесший фундаментальный вклад в развитие не только математики и механики, но и таких наук как физика и астрономия и других прикладных наук.

Леонард Эйлер, проживший половину своей жизни в России, внес неоценимый вклад в становление и развитие российской науки в XVIII в.

Знакомо нам и то, что в прижизненных планах Петра Великого было открытие *Академического университета и Академической гимназии* в составе Петербургской Академией наук. Первая академическая гимназия вместе с Академическим университетом в период с 1726 по 1764 гг. размещались на Троицком подворье Санкт-Петербурга. Однако, планам Петра I суждено было претвориться в жизнь только спустя год после его кончины. Занятия в университете начались с января 1726 г. и велись в трех «классах»: математики, физики и гуманитарном. Для проведения занятий в университете были приглашены из-за границы

17 немецких, швейцарских, французских профессоров, имена некоторых из них упомянуты нами выше. Но так как материал учебных лекций излагался на немецком и латинском языках, то в университете из-за того, что не нашлось студентов понимающих и знающих эти языки, поначалу не было студентов.

Известный русский генерал и историк А.Н. Куропаткин, один из последовательных и яростных критиков западного влияния на развитие России во всех областях, по этому поводу пишет, что т.к. первое время приглашенным профессорам нечего было делать «...тогда выписали из-за границы и 8 студентов для примера русским...». Далее он утверждает, что «...Для подготовки к университету основали гимназию. Но и туда шли неохотно. Пришлось на вербовать солдатских детей и детей разных мастеровых» [12, с. 245]. В период с 1726 по 1733 гг. в академическом университете обучалось всего лишь 38 студентов.

Обстоятельно и подробно деятельность Академического университета в XVIII в. описал в своей работе А.А. Толстой [25]. В его работе мы можем найти упоминание некоторых имен первых из 8 студентов, которые были выписаны из-за границы или же напрямую привезены приглашенными из Европы профессорами. А.Н. Толстой пишет, что из Германии «...вывезено было 8 студентов, из которых четыре сделалось впоследствии академиками: Мейер, Гросс, Вейтбрехт, Мюллер (Меллер)...Настоящих студентов было очень мало: один Кенигсбергец, приехавший с профессором Байером и один голштинец...» [25, с. 4–5].

Позднее для увеличения количества студентов университета, туда стали зачислять лучших учеников Академической гимназии и других учебных заведений, действовавших в России в этот период. Например, в Академический университет 12 января 1736 г. был зачислен один из 12 лучших учеников Славяно-греко-латинской академии – Михаил Васильевич Ломоносов, который проучился в нем до 4 октября этого же года, после чего был отправлен в Германию для обучения горному делу и металлургии.

Число учеников Академической гимназии за этот же период было существенно больше. По архивным источникам нами установлено, что в период с

1726 по 1732 гг. в гимназии числилось всего 342 ученика [24, л. 1–18]. В частности, нами подсчитано, что в 1726 г. в гимназию зачислено 113 человек, (хотя Д.А. Толстой в своей работе указывает цифру 112 [26, с. 2] – В.Б.), в 1727 – 59 человек, 1728 г. – 28 человек, 1729 г. – 76 человек, 1730 – 15 человек (Д.А. Толстой указывает в своей работе цифру 14 человек [26, с. 6] – В.Б.), в 1731 г. – 30 человек и в 1732 г. – 23 человека.

В академическую гимназию зачислялись дети разных возрастов, сословий и мест рождения. Среди них были 5-летние, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 19 и даже 22-летние. Это были дети «стряпчего», «шведского капитана, служащего в Выборге», «дьякона в Вологодской епархии», «армянина, держащего в Петербурге турецкие бани», «лекаря», «стекольного мастера», «вице-губернатора Санкт-Петербурга», «обер-прокурора в Сенате» и т. д. Места их рождения были также разными. Например, в первом наборе в Академическую гимназию было 36 уроженцев Москвы, 16 родились уже в Санкт-Петербурге, другие в Берлине, Гамбурге, Братиславе, Новгороде, Киеве, Козлове, Лифляндии, Риге, Молдавии, Пскове, Глухове, Белозерске и Темникове и в других местах [24, л. 1–5 об.].

Среди зачисленных в гимназию в разные годы мы нашли имена детей известных фамилий, таких как, например, сын сенатора И.Ф. Бутурлина – Николай Бутурлин [24, л. 4 об.], или *сын грека на русской службе* и советника в Коммерц-коллегии Йоган (Иван) Мелиссино, в последующем директор Московского университета и обер-прокурор святейшего Синода [24, л. 15]. И.И. Мелиссино был родным братом известного русского военачальника и генерала артиллерии Петра Ивановича Мелиссино, внесшего неоценимый вклад в развитие военной науки и школы.

Несомненно, источником знаний для русского народа в первой половине XVIII в. была более просвещенная и развитая в научном плане Европа. Как можно было пользоваться России плодами научных, промышленных и технических достижений Европы, ушедшей в перед в своем развитии? Или посылать для обучения и перенятия передового опыта в Европу своих граждан, что и делалось Петром I, или приглашать иностранных специалистов на русскую службу, чтобы они

обучали русских людей знаниям, наукам, своему мастерству и умениям. В этом случае возникали многочисленные проблемы из-за незнания многими иностранцами русского языка, а нашими людьми – иностранного, на котором велось преподавание. Ну, и наконец, третий способ приобщения русских людей к научным знаниям – обучать своих подданных иностранным языкам, чтобы они могли в совершенстве самостоятельно постигать все прогрессивное в европейской науке, промышленности и технике. Кстати, в этом случае в какой-то степени разрешалась проблема взаимопонимания между *обучаемыми иностранцами и обучающимися русскими*.

Не поэтому ли Петр I стал так много уделять внимания обучению своих подданных иностранным языкам? Еще в январе 1716 г. Петром I было приказано выбрать из состава Московских латинских школ пять хороших учеников «...которые по меньшей мере грамматику выучили и отправить их в Персию» и отправить их к послу России в Персии Волынскому, чтобы они там изучали арабский, турецкий и персидский языки [17, с. 189]. В феврале этого же года, на основании именного указа Петра I, Правительствующий Сенатский 19 февраля 1716 г. издал указ о посылке в Кенигсберг «...человек 30 ли 40 из молодых подьячих для науки немецкого языка», для чего «...в указанное число 40 человек, взять из губерний и из приказов...молодых ребят добрых и умных, которые могли бы науку воспринять и чтобы были летами от 15 до 20 лет... и послать за ними надзирателя, чтобы они не гуляли». На годовое содержание отправляемых на учебу в Кенигсберг, выделялось по 200 ефимков каждому [17, с. 200].

Сошлемся еще на один петровский указ по этому поводу. В частности, 23 января 1724 г. был издан именной указ Петра Великого «О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам» [19, с. 217]. В Указе говорилось, чтобы «Для переводу книг очень нужны переводчики, а особенно для художественных...того ради сие делать надо таким образом: которые имеют языки, а художеств не имеют, тех послать учиться художествам, а которые имеют художества, а языка не знают, тех послать учиться языкам...». К художествам Петр I

относил: «математическое хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектура, анатомическое, ботаническое, цивилис, милитарис, гидроика и прочие тому подобные» [19, с. 217].

В начале XVIII в. грамотности, умения читать и писать, и даже простой книжной начитанности, которую тогда можно было встретить в редких случаях, было крайне недостаточно. Для кораблестроения, навигации, для артиллерии и инженерного дела необходимы были такие математические науки как арифметика, геометрия, тригонометрия. Можно утверждать, что в начале своей реформаторской и организаторской деятельности, Петр I неизбежно сталкивался с нуждой в «знающем человеке» [8, с. 283].

Петр I вынужден был прибегать к помощи иностранных специалистов, искать артиллеристов, инженеров, морских офицеров, врачей и всяких других специалистов за границей, нанимать этих специалистов, причем, не всегда хорошего качества, на русскую службу и платить им за это высокое жалование.

Все это не могло, конечно, не наводить Петра I на мысль о необходимости подготовки отечественных нужных специалистов путем посылки их за границу или посредством создания соответствующих учебных заведений у себя дома.

Несмотря на это, Петром отчетливо осознавалась и та мысль, что деятельность иностранных специалистов в России, особенно если иметь в виду лучших представителей из их числа, была одним из путей научного и культурного общения между странами с целью использования последних достижений науки и техники передовых западноевропейских государств в строительстве нового российского государства. Применяя наемных иностранных специалистов на тех участках практической деятельности, где не хватало своих русских знающих людей, правительство Петра I стремилось использовать их знания и опыт для обучения русских.

Более того, Петр I предпринимал меры, для того, чтобы иностранцы, владеющие тем или «искусством» полезным для России, оставались на постоянное жительство в России. В качестве примера приведем Манифест «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском государстве по учинении присяги

селится, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей и промыслами» [2, л. 296–300]. Манифестом *предоставлялись широкие права* шведским гражданам и представителям других народов, бывших на шведской службе и попавших вместе со шведами в плен к русским, по устройству своей дальнейшей жизни в Российском государстве и занятию делами или службой, к которым они имели способности. В манифесте было закреплено такое положение, что «...никакой природный швед противу отечества своего служить не принуждается» [2, л. 298].

Вскоре, в дополнение к вышеуказанному манифесту, был издан Указ Святейшего правительствующего Синода от 23 июня 1721 г., которым разрешалось «...шведским пленникам, обретающимся в Сибирской губернии и имеющих искусство в рудных делах и торгах, и в службе Его Царского Величества присягой обязались вечно ...таким позволить жениться на русских девках и вдовах без перемены исповедуемой ими веры...» [18, с. 401–402].

Широко известны меры Петра I по ограничению влияния иностранцев на государственные и военные дела. Так, например, 31 августа 1719 г. на основании именного Указа Петра I, был издан Сенатский Указ «О приезжих иноземцах», который жестко регламентировал порядок их приема на русскую службу и увольнения(отставки) с ее [2, л. 132]. Указом определялось, чтобы все иноземцы, которые будут приезжать в Санкт-Петербург, первоначально являлись в канцелярию полицеймейстерских дел для постановки на учет, в этой же канцелярии необходимо было «...оных допрашивать, откуда кто приехал и для чего и с какими пасами. А допрашивая с обстоятельством отсылать оных в коллегии, а именно: *которые к службе выехали во флот, таких в адмиралтейскую, а которые в армейские полки – в военную, а купечество в комерц.* А из тех коллегий для известия посылать рапорты в коллегию иностранных дел. А когда служилые отслужат, а купеческие исправляя купечество будут требовать абшитов (абшид) (отпуск или увольнение со службы, в некоторых случаях что то наподобие указа (приказа) об увольнении или отставке – *В.Б.*) и тем абшиты давать из коллегии

кому из которой надлежит. А для запечатывания государственной печатью и записки те их абшиты присылать в коллегию иностранных дел. *А без государственной печати абшитов никому приезжим иноземцам отнюдь не давать и без абшитов из Российского государства никому нигде не пропускать»* [2, л. 132].

В заключение отметим, что направляя русскую учащуюся молодежь в зарубежные страны для завершения образования, правительство Петра I использовало это не только как возможность для подготовки высококвалифицированных специалистов, но и как один из каналов знакомства русских с лучшими достижениями науки, техники и культуры западноевропейских стран. Но, это ни в коем случае не значит, что Петр I в своей кипучей государственной деятельности мог полагаться на более образованных и сведущих, по сравнению с русскими, в тех или иных областях военного, промышленного, торгового и других дел. Петр I всегда и при любых условиях стремился везде искать способных русских людей, быстро их выдвигал и ставил выше иноземцев.

Список литературы

1. Амочаев П.А. Иностранные специалисты во главе русской артиллерии первой половины XVIII в [Текст] / П.А. Амочаев // Молодой ученый. – 2014. – №13.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). – Ф. 24. – Оп. 97/20. – Д.4.
3. Байов А. Курс истории русского военного искусства. Выпуск III. Эпоха Миниха (Царствование императрицы Анны Иоанновны) / А. Байов. – СПб.: Типография гр. Скачков с с-ми, 1909. – 91 с.
4. Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. – Л.: Художественная литература, 1991. – 368 с.
5. Бенда В.Н. Оценка влияния иностранцев на развитие артиллерийского и инженерного дела в начале XVIII столетия / В.Н. Бенда // Евразийский союз ученых (Ежемесячный научный журнал). – М., 2014. – №4. – Ч. 10.

6. Бенда В.Н. «Иноземцы» – учителя в Московской артиллерийско-инженерной школе и их роль в становлении военного образования в России в начале XVIII века // Materials of the I International scientific and practical conference, «Science and Education». – 2014. – Vol. 4. History. Sheffield. Science and education LTD. – 72 с.

7. Бенда В.Н. «Иноземцы» и их влияние в русской армии и государстве и изменение государственной политики в отношении иностранцев на русской службе в пост петровское время до начала 60-х гг. XVIII в. / В.Н. Бенда, Н.Д. Козлов // КЛИО. Журнал для ученых. – 2016. – №1 (109).

8. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. IV. – М.: Госполитиздат, 1948. – 515 с.

9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский; сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. – 2-е изд. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.

10. Золотарев В.А. Во славу отечества Российского / В.А. Золотарев, М.Н. Межевич, Д.Е. Скородумов. – М.: Мысль, 1984. – 335 с.

11. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 1. От Нарвы до Парижа 1700–1814. – М.: Голос, 1992. – 304 с.

12. Куропаткин А.Н. Русская армия / А.Н. Куропаткин. – СПб.: Полигон, 2003. – 590 с.

13. Нестеров Ф.Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 239 с.

14. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). – М.: Древлехранилище, 2004. – 344 с.

15. «Отпуск манифеста на российском и немецком языках государя Петра I о вызове в Россию чужестранных военных людей и о учреждении военной коллегии». См. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 370. – Оп. 1. – Д. 2.

16. Полное собрание законов российской империи, с 1649 г. (ПСЗ). Собр. 1. – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. IV. (1700–1712). – 881 с.

17. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. V. (1713–1719). – 780 с.

18. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. VI. (1720–1722). – 815 с.

19. ПСЗ. Собр. 1. – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. VII. (1723–1727). – 922 с.

20. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. – М.: Университетская типография, 1874. – 260 с.

21. Рогожин А. Вербовка иностранных офицеров на русскую службу в начале XVIII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://warspot.ru/2902-verbovka-inostrannyh-ofitserov-na-russkuyu-sluzhbu-v-nachale-xviii-veka/> (дата обращения: 24.10.2015).

22. Рыбак Р.В. Иностранцы на службе в армии России в XVII–XVIII вв. / Р.В. Рыбак // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Материалы VIII студенческой международной заочной научно-практической конференции (14 февраля 2013 г.). – Новосибирск: СибАК, 2013. – 302 с.

23. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФА РАН). – Ф. 934. – Оп. 1. – Д. 1.

24. СПбФА РАН. – Ф. 3. – Оп. 9. – Д. 2.

25. Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 67 с.

26. Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 114 с.

27. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Русская народная линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2016/10/07/mnenie_inostrancev_o_rossii/ (дата обращения 11.11.2016).

28. Цыганова Л.А. Иностранцы-специалисты в российском государстве: исторический опыт привлечения / Л.А. Цыганова // Бизнес. Общество. Власть. – 2011. – №6.

29. Черников С.В. Правящая элита России 1725–1730 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития / С.В. Черников // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №12 (341).

30. Шишов А.В. Знаменитые иностранцы на службе России. – М.: Центрполиграф, 2001. – 619 с.

31. Щеголев Ю.П. Иностранцы на военной службе в России в правление Екатерины II: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2005. – 230 с.

Бенда Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент межфакультетской кафедры истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург.

Benda Vladimir Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor of Interfaculty Department of History SAEI of HE of the Leningrad region «Leningrad State University named after A.S. Pushkin», Russia, Saint-Petersburg.
